

Министерство культуры Российской Федерации
Российская Академия наук
Российский НИИ культурного и природного наследия

Православие в России

1251024

Москва 1995

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XV-XVI ВЕКАХ (ОТ УТВЕРЖДЕНИЯ АВТОКЕФАЛИИ ДО ВВЕДЕНИЯ ПАТРИАРШЕСТВА)

Православие и идеологическая доктрина Московского государства. Со взятием в 1453 г. армией османского султана Мехмеда II Константинополя Византийская империя, считавшаяся центром православного мира, перестала существовать. Хотя правители Османской империи сохранили церковную власть Константинопольского патриарха над православными подданными нового государства, сам патриарх стал подданным мусульманского владыки, который утверждал его избрание. Еще раньше (в конце XIV века) турки подчинили православные Сербию и Болгарию. Единственным независимым православным государством осталось Московское.

В 1472 г. Московский великий князь Иван III вступил в брак с племянницей последнего византийского императора Константина XI Палеолога — Софьей Палеолог. После этого московская великокняжеская власть стала рассматриваться как продолжение власти византийских императоров, а в среде православного монашества, близкого к великокняжескому двору, сложилась особая политико-идеологическая доктрина, получившая наименование “Москва — Третий Рим”.

Основой ее формирования стала историософская концепция из ветхозаветной книги Пророка Даниила, повествующая о четырех господствующих над миром царствах, последовательно сменяющих друг друга: вавилонском, персидском, греческом и римском, причем последнее должно существовать до конца мира. Утверждался принцип преемственного передвижения последнего царства: после падения языческого Рима ему наследовал второй, христианский Рим — Константинополь. Однако и он погиб, поддавшись соблазну унии с “латинянами”, в результате чего третьим, последним Римом стала Москва.

Согласно новой доктрине, московские князья становились заместителями церковного положения византийских императоров, как

“епископов внешних дел Церкви” — ее охранителей и попечителей. Отсюда — идея первенства России в христианском мире, призванной объединить все православные народы под властью Московского государя, и Москвы — столицы вселенского православия.

Концепция наследования московскими князьями власти византийских императоров нашла отражение в многочисленных литературных и исторических произведениях рубежа XV-XVI веков — “Сказания о Вавилонском царстве”, “Послания о Мономаховом венце”, “Сказания о великих князьях Владимирских”. Митрополит Зосима в своем “Изложении пасхалий” 1492 г. прямо называет Москву “Новым градом Константина”.

Наиболее полно идеи о Москве — Третьем Риме изложены в посланиях старца Филофея — монаха Спасо-Елеазарова монастыря в г. Пскове, адресованных в 10-20-е годы XVI века сыну Ивана III великому князю Василию III. Обращаясь к нему, Филофей писал: “И да ведает твоя держава, благочестивый царь, что все царства православной христианской веры сошлись в твое царство: один ты во всей поднебесной христианский царь... два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть; твое христианское царство уже иным не достанется” /9, т. 1, с. 391/.

Доктрина о Москве — Третьем Риме стала частью идеологического базиса Московского государства, создавшегося под заметным воздействием мессианской идеи. Принадлежность к Русскому царству определялась исповеданием истинной православной веры. Как писал философ Н.Бердяев, “под символикой мессианской идеи Москвы — третьего Рима произошла острая национализация церкви. Религиозное и национальное в Московском царстве так же между собой срослись, как в сознании древне-еврейского народа. И так же как иудаизму свойственно было мессианское сознание, оно свойственно было и русскому православию” /28, с. 9-10/.

К сказанному следует добавить уточнение. Доктрина “Москва — Третий Рим” была распространена среди властной элиты, высшего духовенства и наиболее образованных “книжных людей” Московского государства по той причине, что в течение достаточно длительного времени ее содержание соответствовало политической реальности Европы — континента, на протяжении

XV-XVI веков охваченного нестабильностью, династическими, религиозными и межгосударственными войнами. Властители Московского государства, контролировавшие колоссальную по сравнению с Европой, национально и религиозно однородную территорию, независимые от папского престола в делах веры, способные уже на равных тягаться со слабеющей Ордой, принявшие от павшей Византии имперскую харизму — не могли не испытывать чувства удовлетворения и превосходства.

В то же время доктрина “Москва-Третий Рим”, во-первых, никогда не использовалась в качестве основного тезиса в русских политических декларациях внешней направленности, оставаясь своего рода продуктом внутреннего употребления, а, во-вторых, никогда не была массовой народной идеей. Политическое сознание масс русских простолюдинов тогда было развито крайне слабо, и о “третьем Риме”, равно как и о первых двух, массы попросту ничего не ведали. Преувеличение роли названной доктрины в истории России — старый грех русских светских и церковных историков.

Нестяжатели и носифляне. Преподобные Нил Сорский и Иосиф Волоцкий. Расцвет монашеской жизни, связанный со школой Сергия Радонежского, в XV-XVI веках получил два направления; уединение в пустынножительстве для молитвенного созерцания и социально-государственное служение, направленное на осуществление Божиих заповедей в миру. Первое направление связано с именем преподобного Нила Сорского (1433-1508), второе — с именем преподобного Иосифа Волоцкого (1439-1515).

Преподобный Нил был учеником старца Паисия Ярославова из Кирилло-Белозерского монастыря. Долгое время он пребывал на Афоне, где усвоил духовный опыт исихазма. Вернувшись в Россию, Нил избрал для пустынножительства лесное урочище в 15 верстах от Кирилло-Белозерского монастыря, где основал монастырь Нилова пустынь. Он отказался от отшельничества, выбрав скитскую жизнь, когда живущих в уединении вблизи друг друга монахов связывают общие богослужения и взаимопомощь.

Преподобный Нил оставил значительное литературное наследство — обширный “Скитский устав”, многочисленные письма ученикам на темы духовной жизни, в которых он развивает идеи

исихастов. Нил Сорский не принимает нарочитых аскетических крайностей. Излюбленная форма его аскезы — монашеское нестяжание как верность евангельскому образу униженного Христа. Нестяжание для него не только личный идеал, но и церковный: он выступает против монастырских богатств, церковных украшений и монастырского землевладения.

Сторонником совершенно иного религиозного идеала явился преподобный Иосиф Волоцкий, принявший в 1459 г. монашество в Пафнутьевском монастыре в г.Боровске. В 1479 г., получив покровительство Волоколамского удельного князя Бориса, Иосиф основывает на его землях Успенский Волоцкий (Волоколамский) монастырь, ставший одним из богатейших.

К концу XV века большинство монастырей были крупнейшими земельными собственниками, а их вотчины составляли до трети всех обрабатываемых земель Российского государства. Рост монастырских богатств происходил за счет вкладов по завещанию “на помин души”, а также за счет имущества богатых постриженников, пожелавших в старости принять монашество. Повинности крестьян на монастырских землях были гораздо ниже, чем в боярских вотчинах и дворянских поместьях, а иногда монастырские крестьяне получали от монастыря даже больше, чем ему давали. Это особенно видно на примере Волоцкого монастыря.

В отличие от Нила Сорского, преподобный Иосиф видел в монашеской жизни прежде всего социальное предназначение. Отвергая “стяжание”, как способ личного обогащения, Иосиф рассматривал монастырское богатство как средство благотворительности: на помощь нуждающимся он ежегодно тратил до 150 рублей (половина рубля, “полтина”, в те времена — стоимость коровы). Материальную поддержку от монастыря получали свыше 7 тыс. жителей окрестных деревень. Ежегодно в монастыре кормилось около 700 нищих, слепых, увечных. В монастырском приюте содержалось до 50 детей-сирот.

Преподобный Иосиф не замыкался в кругу монастыря. Принимая активное участие в политической жизни Московского государства, он становится авторитетным советником великого князя Ивана III. В церковных делах его слово приобретает решающее

значение. Это особенно проявилось на церковном Соборе 1503 г., когда встал вопрос о церковном землевладении. Выступившие на Соборе Нил Сорский и Паисий Ярославов, исходя из своего принципа “нестязательства”, потребовали, чтобы у монастырей сел не было, а монахи кормились бы рукоделием. Иван III, нуждавшийся в земельных ресурсах для создания служилого поместного войска, склонялся поддерживать “нестязателей”, но, встретив решительные возражения преподобного Иосифа, не посмел тронуть монастырские земли.

Что касается аскетической стороны монашеской жизни, то, в отличие от Нила Сорского, Иосиф решающее значение придавал не мистическим опытам “умной молитвы”, а строжайшему выполнению предписаний монастырского устава и обрядовой стороне богослужения.

Направление Иосифа Волоцкого (“иосифлянство”) берет верх в монастырской и в целом в церковной жизни, что определилось “не одними экономическими интересами церковного землевладения, но и общей сродностью, созвучием этого направления государственному делу Москвы, с ее суровой дисциплиной, напряжением всех общественных сил и закрепощением их в тягле и службе” /6, с. 187/.

Ереси. Ереси (от греческого — “особое вероучение”) как религиозные течения, отклоняющиеся от вероучения господствующей церкви, в России стали возникать практически одновременно с принятием христианства. В Киевской Руси из числа первых еретиков известны: Адриан и Дмитр (XI век); осужденный в 1157 г. киевским собором и сожженный в Константинополе Мартин; обличавший в начале XIV века продажу церковных должностей тверской монах Акиндин. Особое распространение ереси получили среди городских жителей с XIV века.

Одной из первых ересей такого рода было движение стригольников в Новгороде и Пскове, имевшее последователей среди посадских людей и низшего духовенства. Стригольники отрицали институт современной им православной церкви, иерархию и монашество, церковные таинства. Идеалом стригольников была церковь времен апостолов и свой противоцерковный “союз” они рассматривали как воспроизведение этого идеала. Стригольники подверглись преследованиям духовных и светских властей: в 1375 г. лидеры стригольников во главе с дьяком Карпом были утоплены в реке Волхов, однако,

несмотря на это, данное течение продолжало активно действовать до конца первой четверти XV века.

В конце XV — начале XVI века еретические течения распространились и на Москву, захватив помимо социальных низов ряд представителей боярской знати, высшего духовенства и даже великокняжескую семью. За этим еретическим течением традиционно закрепилось наименование “ереси жидовствующих” поскольку церковные писатели (прежде всего — Иосиф Волоцкий) связывали ее возникновение с проникновением в Россию евреев и их идейным влиянием. /29-30/

О воззрениях новгородских и московских “жидовствующих” известно лишь из сочинений их противников — архиепископа Новгородского Геннадия и преподобного Иосифа Волоцкого. Их обличению Иосиф Волоцкий посвятил полемический трактат “Просветитель”. По его словам, еретики утверждали, что истинный Бог не имеет ни Сына, ни Духа, ему единосущных; Христос — не Сын Божий, а человек, распятый иудеями и истлевший во гробе; его мать — не Богородица и почитаться не должна; Ветхий Завет Библии выше Нового Завета; о почитании икон, мощей, креста, о таинствах и монашестве в нем ничего не говорится, а потому признавать их не следует /31/.

Однако, как отмечает Г.Флоровский, из опияния полемистов не легко различить, что было главным в воззрениях “жидовствующих”, а что — второстепенным или даже случайным. Гораздо более полное представление об этом дают книги, имевшие хождение в их кругу — еврейские тексты Библии, астрологические сочинения, трактаты еврейского средневекового философа Маймонида (Рамбама), суфийского мистика аль-Газали /21, с. 14/.

Князь Иван III и его ставленник московский митрополит Зосима к религиозному вольномыслию в тот период относились терпимо. Поэтому, когда новгородским архиепископом Геннадием “жидовствующие” в 1488-1490 гг. были изобличены в ереси, а ряд их сторонников подвергался монастырскому заключению, значительных репрессий не последовало.

Здесь сыграло роль не только покровительство великокняжеской семьи, но и влияние “заволжских старцев” во главе с Нилом

Сорским. Преподобный Нил, хотя и высказал несогласие с воззрениями “жидовствующих”, но отказался санкционировать против них репрессивные действия, считая недопустимым принуждение в делах веры.

Однако под влиянием Иосифа Волоцкого и его сторонников удалось склонить великого князя Ивана III к жестоким мерам против еретиков. “Жидовствующих” осудили на церковном Соборе в декабре 1504 г. и подвергли репрессиям: их наиболее видные представители были сожжены в Москве и Новгороде Великом.

Против казней еретиков выступили последователи Нила Сорского, от имени которых на соборе было оглашено “Послание заволжских старцев”. В нем утверждалось, что даже к нераскаившимся еретикам нельзя применять жестоких наказаний, поскольку первый долг церкви — кротость, а раскаившиеся еретики вообще не должны нести кары. Выступление “заволжских старцев” успеха не имело, но в дальнейшем в северных скитах учеников преподобного Нила находили приют беглецы из Москвы, преследуемые за принадлежность к “жидовствующим”.

Несмотря на расправу с “жидовствующими”, распространение ересей в России продолжалось, достигнув своего наибольшего развития в середине XVI века. Наиболее радикальным из лидеров еретических течений явился Феодосий Косой, беглый холоп, постригшийся в монахи на Белоозере, а в 1553 г., спасаясь от преследований, бежавший в Литву. Для взглядов Феодосия Косого характерен антитринитаризм (отрицание догмата о Святой Троице и божественной природе Иисуса Христа), а также отрицательное отношение к иконопочитанию и церковным обрядам. Антитринитаристских взглядов придерживался и московский дворянин Матвей Башкин, вокруг которого в 40 - начале 50-х годов XVI века сложился кружок религиозных вольнодумцев. Проповедь Матвея Башкина имела также ярко выраженный социальный характер: институт холопов он считал несовместимым с евангельскими принципами, вследствие чего даже отпустил на волю своих холопов. Став жертвой доноса, М. Башкин был арестован в 1553 г. и заточен в Иосифо-Волоколамский монастырь.

При князе Василии III, вступившем на престол в 1505 г., обвинения в ереси захватили большинство представителей религиоз-

ного разномыслия. В 1525 г. был осужден и заточен в монастырскую тюрьму выдающийся церковный писатель Максим Грек. В 1531 г. та же участь постигла ученика преподобного Нила — Вассиана Косого.

Подверглись гонениям и последователи “заволжских старцев”, в результате чего в 50-е годы XVI века многие скиты на Белоозере опустели. Разгром “жидовствующих” не только привел к уничтожению ереси, но и стал началом мучительного разлада в религиозном сознании православного общества, завершившегося Расколом.

О подлинном характере ереси “жидовствующих” единого мнения нет. Церковные писатели вслед за Иосифом Волоцким рассматривали ересь как результат уклонения в иудейскую веру, возникшего вследствие появления в России еврейских религиозных проповедников и общего подъема еврейской культуры во второй половине XV века. Более поздние исследователи указывают, что иудейский религиозный элемент не был преобладающим в воззрениях “жидовствующих”.

Объективное рассмотрение ереси “жидовствующих” сейчас приобретает особую актуальность. Это вызвано тем, что некоторые представители современного священноначалия Русской православной церкви оценивают поиски новых форм православного благочестия и попытки литургических реформ, как проявление “возрождающейся ереси жидовствующих, вносимой в Церковь многочисленными священниками еврейского происхождения” /29/, являющейся продолжением “религиозной войны, вот уже два тысячелетия упорно и непрерывно ведущейся иудаизмом против Церкви Христовой” /30/.

Русская церковь в правление царя Ивана IV Грозного. Святитель Филипп Московский. Правление Ивана IV Грозного (1547-1584) — время расцвета Русской церкви. В 1547 г. московский митрополит Макарий — деятельный устроитель церковной жизни — впервые в истории России совершает церемонию “венчания на царство” над молодым Иваном IV, который принимает титул “боговенчанного царя”, непосредственно участвующего в церковной жизни.

Под председательством государя в 1551 г. проходит созванный Макарием церковный Собор, получивший название Стоглавого, поскольку принятое на нем Соборное Уложение насчитывало 100 глав. Собор подверг пересмотру многие стороны русской церковной жизни — управление приходами (разделение епархий на благочиния,

с правом старшего священника — благочинного — надзирать за порядком церковной жизни); обучение священнослужителей (создание при архиерейских домах школ для “поповых детей”); монашество (запреты на проживание монахов в миру, а также на проживание монахов и монахинь в одном монастыре); литургическую жизнь.

Макарием была проведена канонизация почитаемых в России местночтимых святых — покровителей отдельных русских земель и городов. Их включение в общерусский свод имело не только богословское, но и государственное значение, ибо если “прежде раздробленная на уделы Русь жила под патронатом местных святынь, которые служили символами местной самобытности, так теперь, объединенная в цельное государство, она побуждала тем и Церковь точно так же объединить и централизовать свое внутреннее и внешнее бытовое содержание. И митрополит Макарий в данном случае, в параллель князьям “собираателям” Руси, может быть назван “собираателем Русской Церкви” /9, т.1, с. 433/.

В 1557 г., после присоединения к России Казанского и Астраханского ханств, в составе Русской церкви образовывается самостоятельная Казанская епархия во главе с архиепископом Гурием. Казань становится крупнейшим центром православного миссионерства среди народов Поволжья, Урала, а впоследствии и Сибири. Своим активным миссионерством среди казанских татар известен архимандрит Варсонофий — основатель Спасо-Преображенского монастыря в Казани, хорошо знавший татарский язык и мусульманские обычаи. Позже в Казани начал свое святительство будущий патриарх Гермоген /26/.

Хотя церковь при Иване Грозном все более становилась зависимой от царской власти, царю так и не удалось получить церковного благословения своей политике террора в период введения опричнины. Об этом свидетельствует судьба святителя Филиппа, начавшего монашескую жизнь в Соловецком монастыре, а затем ставшего его игуменом и прославившегося в качестве деятельного устроителя монастырской жизни.

Посетив Москву в период Стоглавого собора, Филипп расположил к себе молодого царя, который после смерти Макария неоднократно приглашал Филиппа занять митрополичью кафедру. Од-

нако святитель поставил непременным условием своего избрания отмену царем опричнины. Лишь в 1566 г. царь и епископы уговорили Филиппа согласиться на предстоятельство в церкви, сохранив за ним право ходатайства за осужденных и опальных.

В 1567 г. Иван Грозный начал очередную волну репрессий. Гонимые обратились к митрополиту, который пытался убедить царя прекратить террор. Когда это не помогло, он начал обличать Грозного в своих проповедях в Успенском соборе Московского Кремля. В марте 1568 г. на литургии, куда царь явился в одежде опричника, Филипп трижды отказал ему в благословении, сказав: “в сем виде не узнаю царя православного”.

Побоявшись прямо расправиться с митрополитом, царь, инспирировав лжесвидетельство и клевету, добился в ноябре 1568 г. низложения его на специально созванном Соборе. Филиппа сослали в тверской Отрочь-монастырь, где в следующем году он был задушен одним из руководителей опричников Малютой Скуратовым.

После Филиппа митрополичья кафедра была замещена послушным воле Грозного Троице-Сергиевым игуменом Кириллом, но твердость Филиппа не могла не оказать воздействия на царя. По словам А.Солженицына, “террор Ивана Грозного ни по охвату, ни тем более по методичности не разлился до сталинского во многом из-за покаянного опамятования царя” /19, с. 125/.